

За достоверность этой истории, мы ручаться не можем. Но юмор, присущий эпохе Петра Первого и Екатерины Второй, безусловно в ней звучит...

У Екатерины был обычай: прежде чем издать какой-нибудь указ, она обращалась к архивам великого предка, где чаще всего уже имелись его соображения на эту тему. И порой было довольно лишь несколько подправить их или дописать с учетом новой обстановки.

Начало же сей истории восходит к поражению Петра от шведов при Нарве, где русские потеряли почти все их пушки. Петр удрученно сидел в Новгороде, руководя там

строительством оборонительных сооружений и не зная, чем отбиваться, если нагрянет супостат – а он скорей всего нагрянет. Демидовских железных заводов на Урале еще не было в помине; а те, что остались от отца Алексея Михайловича, давали оружейного железа кот наплакал.

И как-то поутру царю доносят, что некий посадский человек, одетый дурно и, похоже, с перепоею, хочет его видеть, да молвить некие заветные слова. Ну, нравы тогда были простыми: хочешь – молви; складно сказал, алтын дадут, нет – подзатыльник. Подводят того малого под царевы очи, вид у него точно скверный, и он бух царю в ноги:

– Хочу, всемилостивейший, помочь твоей беде. Знаю, потерял ты пушечный наряд и гадаешь, где добыть литье для новых пушек.

– То правда, – отвечает царь, – но чем ты мог бы пособить? Вижу, и сам себе нынче не подмога.

– А вели мне чарку поднести, пропился я и задолжался, с похмелья умираю, денег ни полушки нет.

Велит царь подать ему вина, при этом говорит:

– Ну, гляди, коли без дела мою чарку выдул, дорого ж тебе она станет! Башкой заплатишь!

– А я того не боюсь, такова немочь в телесах. Но уж смилуйся, дай и вторую – ужо для смелости, ибо хочу сказать тебе дело неслыханное, дерзкое, но для тебя великое спасение.

Подали ему еще чарку, выдул он и ее, очи его запылали, и он, перекрестясь, и шепчет государю:

– Так слушай: литья того у тебя, царь, много. На колокольнях колоколов за сотни лет наакопилось. Коли швед придет, он те колокола снимет да увезет – так он в лихое время уже делал. А снимем-ка их сами, отольем с них пушки и одолеем ворога: Бог сильных любит! А как побьем его, и Богу все вернем.

Такая мысль уже мелькала и у самого Петра, да больно казалась несусветной: а коли то войдет не в зуб народу – и воевать тогда придется уже с ним, а не со шведом? Но этот голодранец, показавшийся Петру посланцем Божьим, и доубедил его.

Наградил он его аж тремя алтынами, облобызав его хмельную харю.

И тут же написал указ: переплавлять колокола в пушки не только в Новгороде, но и по всей Руси.

После чего в битве при Полтаве шведы и были разбиты из тех перелитых, не без помощи того пьянчуги, пушек. А тот на этой царской монете, под которую никто не смел не дать ему в долг, расторговался так, что вышел при Петре в первые купцы в Новгороде. Но сразу после смерти Петра местные святоши его и всю его семью жестоко затопили в Волхове...

Минуло с тех пор еще 60 лет, и уже к царице Екатерине являются посланцы от новгородского священства.

И бьют ей челом:

«Ваш предок Петр Алексеевич изволил ради победы над шведами перелить наши колокола на пушки, а потом обещал их вернуть. Да так и не вернул. Не изволит ли ваша царская милость исполнить его обещание?»

Екатерина по ее обыкновению спросила, не осталось ли по сему делу каких рескриптов от Петра? Ей тут же откопали челобитную еще его времен от тех же новгородских иноков, а на ней такая резолюция:

«А х..я вам моего не надо?»

И подпись: «Петр».

Тогда царица взяла перо и своей нежной ручкой написала:

«Я же, как женщина, и того предложить вам не могу».

И отдала сию бумагу ошарашенным попам...

Тэги: [на](#) , [его](#) , [уже](#) , [всего](#) , [где](#) , [она](#) , [эту](#) , [чаще](#) , [екатерины](#) , [великого](#) , [имелись](#) ,

[соображения](#)

,

[обращалась](#)

,

[архивам](#)

,

[предка](#)